

Университеты развитых стран регулярно становятся местом проведения псевдоконференций; по-видимому, их желание заработать на аренде перевешивает репутационные риски. В конце сентября 2016 года, например, я написал в Кларк-колледж Кембриджского университета о том, что в марте 2017 года у них запланирована «Международная конференция по образовательным и информационным технологиям (ICEIT)», организатором которой выступало недобросовестное «Американское исследовательское общество». Я указал, что, хотя эта ассоциация называет себя некоммерческой организацией, на самом деле она зарегистрирована в Китае как коммерческая компания. Я добавил, что на одну из своих предыдущих «конференций» эти организаторы приняли поданный мной бессмысленный текст, сгенерированный в программе SCIgen, и что можно доказать их связь как минимум с восемью другими аналогичными компаниями и недобросовестными издателями. Но максимум, что удалось сделать, — это заставить администраторов «конференции» убрать логотип колледжа со своего сайта. После того как новости об этом появились в прессе, компания сменила свое название на «Азиатское исследовательское общество» и в марте 2018 года провела конференцию ICEIT в Колледже Святой Анны Оксфордского университета.

Слишком многие исследователи рассматривают псевдоконференции как возможность съездить в командировку и заодно развлечься. Не случайно многие псевдоконференции проводятся на Бали, в Майами или на Гавайях. После моего выступления на эту же тему на одной японской конференции ко мне подошел один из слушателей и горько пожаловался, что я рискую лишить людей всех удовольствий. «Удовольствие» заключается в том, чтобы съездить зимой в какое-нибудь теплое местечко за счет научного фонда. Я посетил несколько псевдоконференций в Токио и заметил, что выступающие редко остаются после своего доклада. Они быстро покидают гостиницу в компании своих родственников с туристическими путеводителями — видимо, чтобы собрать важные исследовательские данные в токийском «Диснейленде».

Что можно сделать?

Простого ответа нет. Нужно лучше информировать аспирантов и членов профессорско-преподавательского и административного состава вузов об угрозах, с которыми сопряжено участие в псевдоконференциях. Те, кто в результате искренней ошибки случайно оказываются на псевдоконференциях, должны предостерегать своих коллег и широкое академическое сообщество. Университеты должны принимать более серьезные меры по борьбе с псевдоконференциями, не проводить их у себя и перестать нанимать, повышать и финансировать ученых, которые участвуют в подобных мероприятиях или их организуют.

.....

Борьба с академической коррупцией: контроль качества и аккредитации

Джудит С. Итон

Джудит С. Итон – председатель Совета по аккредитации высших учебных заведений, Вашингтон, США. E-mail: eaton@chea.org.

Когда в 2016 году Международная группа по качеству при Совете по аккредитации высших учебных заведений (CHEA/CIQG) выпустила «Рекомендации по повышению эффективности мер в сфере борьбы с коррупцией и поддержания профессиональной этики», члены группы хотели привлечь внимание профессионального сообщества к животрепещущей проблеме академической коррупции. Авторы описывают рекомендации как «...сигнал профессиональному образовательному сообществу всего мира — особенно структурам, отвечающим за контроль качества... в развитых и развивающихся странах, — к противодействию и преодолению коррупции» и позиционируют документ как возможность сделать шаг вперед и начать всерьез заниматься этой темой.

Впрочем, решить, как именно системы контроля качества и аккредитации, которые являются основным средством обеспечения качества высшего образования во всем мире, могут более конструктивно и изобретательно играть руководящую роль в этой борьбе, непросто. Сложно также определить рамки того, что считать основной проблемой. «Академическая коррупция» в высшем образовании — это комплексное явление, которое включает в себя множество вещей — от взяточничества и мошенничества до вымогательства и пр. Это становится понятно при изучении определений, данных «Трансперенси Интернешнл» и различными уважаемыми словарями, или при выработке рабочего определения (как это делали авторы «Рекомендаций...» или создатели ETICO — портала ЮНЕСКО об этике и коррупции в образовании).

Основные вопросы

Для профессионального сообщества в сфере контроля качества/аккредитации есть три ключевых вопроса. Во-первых, мы привыкли рассматривать борьбу с коррупцией сквозь привычную призму обеспечения академической этики. Было бы правильно определиться с тем, можно ли использовать обеспечивающие академическую этику инструменты в качестве инструментов борьбы с коррупцией. Можно предположить, что это не одно и то же. Во-вторых, мы, вероятно, еще не до конца осознаем роль коррупции в жизни вузов и отдельных программ. Возможно, нам нужно повысить уровень информированности об этой проблеме.

В-третьих, чтобы успешно бороться с коррупцией, нужны дополнительные средства, которые бы позволили оценить и учесть неизбежные культурные различия в понимании того, что считается коррупцией в разных странах.

Рассмотрение роли структур по контролю качества/аккредитации в борьбе с коррупцией сквозь призму обеспечения академической этики убедило нас в том, что мы уже боремся с коррупцией и вряд ли можем делать больше. Мы хвалим себя за те обязательства, которые мы уже на себя взяли; за стандарты и принципы контроля качества/аккредитации, которые требуют, чтобы руководители вузов и образовательных программ их поддерживали и предпринимали шаги для соблюдения академической этики. Сюда относятся стандарты и принципы, призывающие, к примеру, к профессиональной добросовестности в работе со студентами и широкой общественностью, к соблюдению высочайших этических стандартов в преподавании и науке, к полной прозрачности в ведении вузовских дел.

Но вопрос в том, адекватны ли существующие стандарты и принципы? Не кажется ли нам, что борьба с коррупцией подразумевает нечто большее, чем просто призывы к преподавателям и административным сотрудникам соблюдать академическую чистоплотность? Существуют ли, например, какие-то подходы, позволяющие обеспечить нетерпимость студентов и преподавателей к плагиату, помимо призывов к порядочности, которые тоже, безусловно, важны? Принимаются ли какие-то меры, позволяющие предотвратить использование современных технологий для подделки учебных ведомостей и других документов, помимо заявлений о том, что подобное не должно происходить? Что помимо порицания подобной практики нужно сделать, чтобы остановить продажу оценок или коррупцию при поступлении? Наставления и увещания на тему академической этики, безусловно, необходимы, но они не должны подменять собой конкретные действия по противодействию коррупции, как написано в «Рекомендациях...».

Если говорить о повышении осведомленности о проблеме коррупции, некоторые представители профессионального сообщества в сфере контроля качества/аккредитации говорят, что в этом нет необходимости, потому что коррупция еще не воспринимается ими как важная проблема. Они редко сталкиваются с коррупцией в процессе оценки вузов или образовательных программ. Так зачем же им тратить свои и без того ограниченные ресурсы на эту проблему, раз даже предварительной информации о коррупции так мало? А в тех редких случаях, когда они все же сталкиваются с коррупцией, неужели нет других структур, которые должны вступить в дело и взять ответственность на себя? Сложилось мнение, что коррупция, даже академическая, — это проблема, которой должны заниматься власти, правоохранительные органы или суд.

Также необходимо признать, что, как бы ни была сильна система высшего образования в той или иной стране, коррупция может попадаться — и попадается — везде, и с этим нужно что-то делать. Ищем ли мы коррупционную составляющую в процессе рецензирования статей? Существует ли список показателей или триггеров, появление которых ведет к усиленной проверке на коррупцию? Есть ли антикоррупционный список контрольных вопросов? Какие характерные признаки коррупции должны уметь выявлять рецензенты? Это, конечно, не самые приятные вопросы, но другие контролирующие органы не могут рассматривать проблему коррупции изолированно, если органы по контролю качества/аккредитации утверждают, что тот или иной вуз соблюдает требования академической этики.

Если же говорить о культурной вариативности, то понимание того, что считать коррупцией, различается в зависимости от страны, причем иногда существенно. В одних странах, например, к плагиату относятся спокойно, а в других — нет. Где-то кумовство считается приемлемым, где-то — нет. В одних странах продажа мест при поступлении или продажа дипломов считается коррупцией, а в других это явление воспринимается как досадное, но неизбежное. Хотя лидеры профессионального сообщества в сфере контроля качества/аккредитации легко договорились о единых порядках в ряде вопросов (таких, как роль руководства вузов, значимость научных исследований, ориентированность на интересы студентов), из-за упомянутых выше культурных различий прийти к единому пониманию коррупции оказалось сложнее.

Когда дело касается академической коррупции, недостаточно просто сформулировать единые обобщенные принципы, под которыми все мы могли бы подписаться и которые при этом предусматривали бы возможность для вариаций в практике обеспечения контроля высшего образования в разных странах.

Что делать дальше

Когда дело касается академической коррупции, недостаточно просто сформулировать единые обобщенные принципы, под которыми все мы могли бы подписаться и которые при этом предусматривали бы возможность для вариаций в практике обеспечения контроля высшего образования в разных странах. Конечно, такой традиционный подход будет небесполезен, но ограничиваться им нельзя. Помимо того что мы занимаемся академической этикой, еще мы должны усилить борьбу с коррупцией путем разработки дополнительных стандартов качества/аккредитации, которые бы акцентировали внимание именно на коррупции. Нужна дополнительная подготовка кадров с целью повышения эффективности выявления коррупции в колледжах и университетах в рамках нашей текущей работы по их проверке. Мы можем составить схему того, что считается (или не считается) коррупцией в разных странах. Ставки очень высоки, поскольку потенциально коррупция может нанести колоссальный вред студентам, работодателям и обществу — и вообще скомпрометировать высшее образование.

Академическая коррупция — это неудобная проблема для тех, кто занимается контролем качества. Нам понадобится время и желание, чтобы справиться с неловкостью, которая мешает более плотно заняться этой проблемой и взять на себя руководящую роль. В перспективе идеи, перечисленные в этой статье, могут стать частью действенной реакции на призывы авторов «Рекомендаций...».

Ослабление роста международной студенческой мобильности

Дирк ван Дамме

Дирк ван Дамме — начальник отдела Управления образования и профессионального обучения ОЭСР. E-mail: dirk.vandamme@oecd.org.

Количество международных студентов в последние десятилетия стабильно росло. По данным ОЭСР и Института статистики ЮНЕСКО, если в 1995 году за пределами своей страны обучалось 1,7 млн человек, то в 2012 году — уже 4,5 млн. Понятно, почему это происходит. Международную студенческую мобильность можно в какой-то мере считать последствием мирового академического неравенства. Студенты переезжают

в другие страны в поисках лучшего образования, которое они могут себе позволить. Международная студенческая мобильность — это один из способов преодоления географического разрыва между спросом и предложением. С ростом своей покупательной способности зажиточные представители среднего класса стран с переходной экономикой предпочитают инвестировать в образование своих детей, чтобы обеспечить их хорошим дипломом. Некоторые страны быстро нащупали новые возможности и придумали стратегии по продвижению своих образовательных услуг. Международная студенческая мобильность — это одно из самых ярких проявлений глобализации в сфере высшего образования.

Многие предполагали, что рост мобильности продолжится и даже ускорится, но этого не произошло: в 2012 году темпы роста упали практически до нуля. За период с 2012 по 2015 год к существовавшим до этого 4,5 млн студентов прибавилось лишь 100 тысяч. Цифры, опубликованные в докладе ОЭСР «Коротко об образовании» за 2017 год, позволяют сделать вывод о том, что мы наблюдаем не временный регресс, а новый структурный феномен.

Расширение высшего образования в развивающихся странах

Каковы причины таких изменений? Для этого, вероятно, нужно изучить, как менялась ситуация со спросом и предложением. Если говорить о спросе, то дело, очевидно, в повышении качества образования внутри стран, из которых уезжало больше всего студентов. Китай и в меньшей степени Индия много вложили в развитие собственного высшего образования, в том числе в специально отобранные передовые вузы, которым предназначено уже в ближайшие годы стать университетами мирового класса. Китайские университеты настойчиво карабкаются вверх в международных рейтингах, с каждым годом улучшая свои позиции. Китай стал мировым лидером по темпам роста научной продуктивности. Изменившаяся ситуация в стране повлияла на инвестиционные стратегии зажиточного среднего класса. А еще власти Китая стали более тщательно отслеживать и контролировать поток исходящей студенческой мобильности.

Международным студентам больше не рады

Но падение роста международной мобильности нельзя объяснить только изменениями на стороне потребителей. Пул тех, кому потенциально было бы интересно получить образование за рубежом, во всем мире по-прежнему огромен, поэтому нужно также понять, что происходило с предложением, что именно изменилось в наиболее привлекательных для международных студентов странах. Очевидно, что страны, которые являются основными экспортерами образовательных услуг, претерпели серьезные изменения.